

## СОМАТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И АТТРИБУЦИИ

И.А. Гринько

*НИИ и Музей антропологии МГУ, Москва*

*В статье предпринята попытка кратко осветить историю терминов, которые использовались для обозначения искусственных изменений тела в отечественной и зарубежной этнологической литературе, и связанных с этими определениями точек зрения на суть и границы данного феномена. На основании этого анализа автор предлагает новый вариант определения термина «соматические модификации». Соматические модификации – преднамеренные нарушения целостности или изменения формы органов человеческого тела, проводимые в рамках ритуальной практики или эстетических норм и обусловленные социо-культурной системой. Предлагая новое определение термина, автор постарался учесть недостатки предыдущих вариантов и сделать акцент на сущность этого сложного и многообразного явления. Также впервые поднята проблема выделения морфологически схожих с соматическими модификациями явлений и их связи с общим массивом феномена «соматических модификаций» с целью установления хотя бы приблизительных границ этих модификаций для облегчения их атрибуции. Для сравнительного анализа были взяты такие распространенные манипуляции с человеческим телом, как косметическая хирургия, членовредительство в юридической практике, модификации тела в рамках художественных акций и, наконец, последствия психических расстройств, таких как синдром нарушения восприятия целостности тела.*

Ключевые слова: *искусственное изменение человеческого тела, соматическая модификация, этнографические понятия и термины*

Как зачастую случается, явление, ставшее главной темой данной работы, хорошо известно большинству исследователей эмпирически в силу своей повсеместной распространенности, но в то же время довольно слабо изучено как в отечественной, так и мировой науке. С учетом разнообразия, многогранности и самой сути искусственных изменений тела, они являются практически идеальным объектом для исследования в рамках «анучинской триады» – «антропология–археология–этнография».

Проблема, указанная в названии статьи, уже поднималась автором ранее [Гринько, 2005], и в это же время для обозначения феномена искусственных изменений тела был предложен термин «**соматические модификации**». Однако по прошествии определенного времени некоторые моменты потребовали пересмотра, чему в некоторой степени способствовали вопросы, возникавшие в

ходе многочисленных обсуждений обозначенной проблематики. Основные дискуссии вызывала непосредственная атрибуция соматических модификаций, а точнее – круг манипуляций с телом, подпадающих под это определение. Наблюдаемый широкий разброс в терминологии явления также потребовал анализа истории и эволюции обозначений искусственных изменений тела. При этом оба этих вопроса логично рассматривать вместе, ввиду того что термин диктуется, прежде всего, сутью явления, которое он обозначает, по этой причине искусственное разделение двух проблем было бы неоправданным и даже вредным для понимания проблематики в целом.

В первую очередь стоит отметить, что в этнографической и антропологической литературе явление, о котором идет речь, фактически никогда не рассматривалось как отдельная онтологическая единица, что повлекло за собой чрезвычайное раз-

нообразии терминов и определений, к нему применявшихся. Отсутствие единого определения отразилось и в «Своде этнографических понятий и терминов», куда вообще не вошла ни одна из вышеперечисленных формулировок. Но в нем это явление упоминается в достаточно спорном контексте: «*Специфической формой ухода за телом является его деформация вроде удаления резцов, отрезания пальцев...*» [Свод этнографических понятий, 1989]. При этом особым вариантом «ухода за телом» авторы «Свода...» сочли также нанесение шрамов на кожу (скарификацию).

Подобная ситуация – отсутствие четкого термина свидетельствует о том, что в отечественной этнографической школе явление, о котором пойдет речь, не рассматривалось как самостоятельное этнографическое явление. В зарубежной историографии наблюдается не меньший разброс в терминологии и подходах к анализу феномена.

Несмотря на недостаточную изученность феномена, интерес к искусственным изменениям человеческого тела возник практически одновременно со становлением этнографии как науки. Еще Эдвард Тайлор в конце XIX века, честно признаваясь в том, что смысл операций над человеческим телом не совсем ясен, выделил их в отдельную категорию «**церемониальных уродований**» (*ceremonial mutilations*) [Тайлор, 1989; Taylor, 2006]. Данный термин неприемлем сразу по нескольким причинам. Во-первых, далеко не всегда подобные операции сопровождалась церемониями. Во-вторых, само понятие «уродования» не корректно применять в этнографии, так как представления об эстетике всегда и везде относительны.

Фридрих Ратцель предложил более корректное, а главное, более концептуальное определение – «телесные искажения» (*Deformität*) [Ратцель, 1902]), хотя вслед за Э. Тайлором он периодически использует и термин «уродования» (*Verunstaltung*). Ф. Ратцель наиболее близко подошел к тому определению, которое будет использовано нами в дальнейшем. Единственный недостаток этого определения заключается в том, что слово «искажение» означает «неправильность, ошибку» [Ожегов, 1972], в то время как, смысл подавляющего большинства подобного рода изменений состоит как раз в обратном – придать телу «совершенную» форму, а не испортить его.

Арнольд Ван Геннеп, который одним из первых обратил внимание на искусственные изменения тела как отдельное этнографическое явление, применил по отношению к ним термин «**членовредительство**» (*mutilation*). Для материала, с которым он оперировал в своей работе, это определение было вполне достаточным и исчерпыва-

ющим. Так, в качестве примеров «членовредительства» он приводит обрезание, вырывание зуба, отрезание фаланги мизинца, прокалывание мочки уха, скарификацию и т.д. [Геннеп Ван, 1999]. Однако в ряде случаев мы сталкиваемся с другими примерами, когда посредством искусственного воздействия органу не причиняется вред, а лишь изменяется его форма. Само слово «членовредительство» определяется как «*нанесение увечья кому-нибудь или умышленное повреждение органа самому себе*» [Ожегов, 1972], поэтому к большинству соматических модификаций оно применимо с очень большими оговорками. Поэтому для антропологов, имеющих дело в основном с искусственными деформациями черепа, применение этого термина не вполне корректно.

Несмотря на определенные недостатки, термин, предложенный А. Ван Геннепом, достаточно универсален в отличие от более поздних вариантов. Существенный вклад А. Ван Геннепа в изучение данной проблематики заключается еще и в том, что он вынес интересующее нас явление за рамки ритуальных систем. Большинство других авторов, упомянутых ниже, наоборот, рассматривали его исключительно в контексте ритуала и ритуальной практики, что не могло не отразиться на терминологии.

В связи с тем, что в определенный момент искусственные изменения тела жестко привязывают к *ритуалам перехода*, основным и наиболее популярным термином становится «**испытание**» [Элькин, 1952; Элиаде, 1997; Леви-Брюль, 2002]. Некоторые авторы для усиления термина использовали дополнительные определения, например, «**мучительные испытания**». К сожалению, данный термин ни в коей мере не отражает всю сущность явления искусственных изменений тела, а касается только одного из его аспектов. Здесь необходимо провести четкое разграничение между разнообразными элементами, присутствующими в обрядах посвящения. Обычно под термином «**испытания**» подразумевается очень широкий круг действий: «...*лишение сна, пищи, бичевание и сечение палками, удары дубиной по голове, выщипывание волос, соскабливание кожи, вырывание зубов, обрезание, кровопускание, укусы ядовитых муравьев, душение дымом, <...> испытание огнем*» [Леви-Брюль, 2002]. В данном случае искусственные изменения тела составляют лишь часть всех известных испытаний для неофитов, причем далеко не самую значительную.

Бронислав Малиновский подошел к определению более изящно, однако при этом еще больше его сузил. В его работах соматические модификации фигурируют под формулировкой «*акт*

нанесения телесного увечья... поистине жестокий и опасный» [Малиновский, 1998]. В принципе, здесь он использовал более развернутый вариант определения «**членовредительство**», при этом термин опять рассматривался исключительно в рамках исследования *ритуала перехода*.

Для французских ученых, вслед за А. Ван Геннепом, основным термином оставалось «членовредительство», правда, иногда использовались расширенные и дополненные определения, например, «**ритуальное членовредительство**» (*mutilation rituelle*) [Марсиро, 1998; Dyane, 2006].

Здесь стоит отметить, что одним из ключевых моментов является то, что под новое определение подпадают не только те модификации, которые по старой традиции называют «членовредительствами». Принципиальным отличием от старого термина является и то, что он охватывает случаи, когда в ходе модификации органу не наносится реальный вред, а лишь изменяется его форма. Таким образом, сюда можно включать и такие модификации, как деформация черепа или удлинение шейных позвонков, которые с очень большой натяжкой могли быть отнесены к категории «членовредительств».

Довольно удачное определение нашел для данных явлений Д. Пирцио-Бироли, обозначив их просто как «**необратимые изменения**» [Пирцио-Бироли, 2001]. К сожалению, несмотря на достаточную корректность этого определения, этот термин не полностью отражает своеобразие и самостоятельность феномена в силу своей абстрагированности от самого предмета исследования.

Иногда искусственные изменения относят к числу **украшений тела** (*body adornments, body decorations*), включая в число украшений даже обрезание или клитордектомию [Pendergast S., Pendergast T., 2004; DeMello, 2007], что кажется не совсем логичным хотя бы из-за того, что значительная часть модификаций производится с половыми органами, которые в подавляющем большинстве случаев не доступны для всеобщего обозрения, поэтому их «украшение» не выглядит логичным. Впрочем, в подобном же русле изменения тела рассматривались и в ранней отечественной литературе. Так Н.И. Харузин отнес их к числу «украшений неснимаемых», при этом, например, вывел из их числа прободения губ и ушей «оттого, что в указанных случаях проколы, как таковые, не являются украшениями, а служат лишь вместилищем последних» [Харузин, 1901].

Некоторые радикально настроенные исследователи, относили эти операции к **пыткам** (*torture*) [Скотт, 2002; Scott, 2003; Лафицкая, 2006],

обосновывая свою точку зрения тем, что они «*могли достигать такой степени жестокости, что значительная часть испытуемых их просто не переживает*». Однако данное утверждение является явным преувеличением: смертельные случаи во время инициаций, хотя и случаются, но крайне редки. К этому стоит добавить, что под термином «пытка» чаще всего подразумевается «*физическое насилие, истязание при допросе*» [Ожегов, 1972], но при этом далеко не всегда тело или отдельные органы подвергаются изменениям.

В отечественной историографии возобладал западный подход к проблеме: так термин «*физические испытания*» был использован Э.С. Львовою [Львова, 1984]. Что характерно, ею этот термин был применен только к искусственным изменениям тела в инициационном ряду; когда же речь заходила о соматических модификациях как *средстве невербальной коммуникации*, то отсутствовало вообще какое-либо четкое определение.

В более ранних работах, например, в «Истории первобытного общества» В.И. Равдоникаса, употреблялся еще более неудачный термин «**варварские операции и мучения**» (Равдоникас, 1947).

Этот же классический вариант с небольшими изменениями использовали В.П. Алексеев и А.И. Першиц, упоминая «**мучительные процедуры**» при описании обрядов инициации [Алексеев, Першиц, 1990]. И здесь они опять столкнулись с проблемой раздвоения термина: «**нанесение ран**» и «**выбивание зубов**» шли под определением «**мучительных процедур**», а аналогичные по семантике обрезание и подрезание, причем в том же культурном контексте, обозначались как просто «**операции**» [Алексеев, Першиц, 1990].

М.В. Тендрякова в своей диссертации, посвященной проблемам первобытных возрастных инициаций, так же использовала термин «**телесные операции**» [Тендрякова, 1992], который достаточно полно описывает те соматические модификации, которые упомянуты в ее работе. Однако этот термин неприменим к некоторым из вариантов искусственных изменений тела.

В работах последних лет, так или иначе затрагивающих интересующее нас явление, по-прежнему используется этот термин. Например, при описании юношеских инициаций, упоминаются «**болезненные операции**» [Сапогова, 2004].

Подобные формулировки указывают, прежде всего, на то, что явление не подвергается глубокому самостоятельному анализу, а рассматривается лишь его внешняя сторона или отдельные составляющие. При этом зачастую из поля зрения выпадает собственно этнографическая сущность:

культурная, символическая и эстетическая составляющие. Иногда не берется в расчет даже морфологическая сущность некоторых манипуляций с телом, к которым термин «операция» неприменим в принципе.

Естественно, что сам термин и его определения существенно зависят от тех этнографических явлений, которые включаются в круг искусственных изменений тела. В качестве примера можно привести татуировку, которую обычно рассматривают обособленно, хотя с точки зрения морфологии и семантики это не совсем логично. И дело здесь вовсе не в «непреходящести, как главном критерии татуировки» [Медникова, 2007]. Кожа является органом человеческого тела, на который в процессе татуирования осуществляется механическое воздействие. По сути, она ничем не отличается от остальных искусственных изменений тела, и поэтому с полным обоснованием может быть к ним отнесена. Хотя есть и обратные попытки искусственно включить в татуировку остальные соматические модификации: «К ней (татуировке. – И.Г.) следует причислять и многие другие необратимые манипуляции с человеческими телами вроде шрамирования, намеренного выбивания зубов или даже ритуальных ампутаций» [Медникова, 2007]

Как было показано, существующие в настоящее время термины, использующиеся для обозначения искусственных изменений тела человека или его частей, непригодны для этого по целому ряду причин. По большей части они были предложены еще в XIX в. и отражали соответствующий уровень знаний и уровень научного синтеза, присущий этнографической литературе того времени.

Для того чтобы выработать адекватный термин для обозначения изучаемого явления, мы обратились к той отрасли современной биологии, которая изучает морфологическую изменчивость живых организмов. Морфологическую изменчивость растений и животных биологи начали изучать в середине XIX в., что было связано с основополагающими работами Ч. Дарвина. Вскоре, среди различных вариантов биологической изменчивости, были описаны «преходящие ненаследственные изменения, возникающие обычно под влиянием внешних условий». Это явление в 1865 г. Карл Нэбели назвал «модификациями». Позднее Хуго де Фриз именовал его «флуктуациями» (fluctuations) [De Vries, 2004], но термин в биологической литературе не прижился. Суть морфологических модификаций в том, что различные организмы, испытывая какие-либо воздействия среды, могут изменять размеры, форму или со-

отношение частей. Для конкретного организма эти изменения необратимы, но по наследству они не передаются. Более всего модификациями занимались ботаники [Г. Боннье, К. Гёбель, Г. Клебс и др.], в зоологии эта проблематика разработана слабее [Филиппченко, 1978].

Нельзя не заметить прямых параллелей между модификациями в живой природе и искусственными изменениями тела и его частей в человеческих культурах. Здесь за «внешнюю среду» может быть принята собственно культурная среда, в рамках которой и осуществляются «членовредительства». Поэтому в данной работе предлагается именовать искусственные изменения тела человека модификациями. Для того чтобы обозначить, что речь идет о теле (соме), и отделить этнографический термин от принятого в биологии, представляется логичным использовать словосочетание «**соматические модификации**». Термин «**модификация**» был выбран еще и потому, что модификация обозначает – «*изменение, видоизменение, преобразование чего-либо, характеризующееся появлением новых свойств*» [Словарь иностранных слов и выражений, 1997]. Это весьма значительный нюанс, поскольку просто «изменение» не обязательно характеризуется новыми качественными характеристиками, а это немаловажно, учитывая семантическую составляющую явления. Причем речь идет не столько об анатомо-морфологических последствиях, сколько о социо-культурных. В подавляющем большинстве случаев соматические модификации отмечают обретение индивидом нового статуса, его выход на новый качественный уровень. В англоязычной литературе довольно часто можно встретить термин «body modification», обозначающий искусственные изменения тела [White, 1991; DeMello, 2007], что вполне соответствует предложенному нами термину «соматические модификации», однако он по неясным причинам практически не используется для обозначения исследуемого явления в зарубежной этнографической литературе, хотя активно эксплуатируется в научно-популярных изданиях и СМИ.

На наш взгляд, термин «соматические модификации» наиболее полно отражает сущность и глубину явления, которое рассматривается в данной работе, хотя не исключено, что при дальнейшем изучении феномена он потребует дополнительной корректировки.

Вопрос терминологии неразрывно связан с вопросом атрибуции явления. Попытка его комплексного определения была предпринята ранее [Гринько, 2007]. **Соматические модификации**

определены мною как *преднамеренные нарушения целостности или изменения формы органов человеческого тела, проводимые в рамках ритуальной практики или эстетических норм, и обусловленные социо-культурной системой*. Далее будут указаны случаи, которые морфологически подпадают под это определение, однако имеют определенные семантические отличия, что позволяет отнести их к пограничным явлениям. Таким образом, главным отличием нового термина от предыдущих вариантов является его относительная гибкость и широта, что собственно отражает характерные черты явления в целом. Обычно исследователи при использовании или создании какого-либо нового термина для обозначения искусственных изменений тела стремились назвать не весь феномен во всем его многообразии, а лишь ту его часть, с которой они непосредственно работали. Отсюда многочисленные и не всегда адекватные термины, которые далеко не полностью отвечают обозначаемому ими феномену.

Теперь следует более подробно обозначить границы изучаемого явления. Прежде всего необходимо сказать, что речь идет только о «преднамеренных» модификациях и соответственно сюда не включаются раны и увечья, получаемые в состоянии религиозного или наркотического транса, за исключением тех случаев, когда они также являются необходимой и запланированной частью ритуала.

Особняком стоят телесные повреждения, наносимые человеческому организму в рамках юридических норм в качестве наказания, как-то вырывания ноздрей, удаление конечностей, клеймение, специальные татуировки и т.п. [Евреинов, 1994; Скотт, 2002]. Формально они подпадают под определение соматических модификаций, но семантически они отделены от последних как минимум по двум ключевым моментам. Во-первых, соматические модификации всегда проводятся добровольно и с одобрения родственников (или микросоциума), что отсутствует при подобного рода наказаниях. Во-вторых, в большинстве случаев, они направлены на социализацию человека, в то время как модификации тела при наказании ставят своей целью, как раз обратное – десоциализацию индивида, «выведение» его из общества. Однако нельзя отрицать, что данные манипуляции с телом также имели социальную функцию. «Рваная ноздря, поротая губа, урезанный язык, выжженное на лице или на теле пятно или тавро – это были примитивные справки о судимости» [Покровская, 2004]. Одновременно с этим подобная десоциализация на деле оборачивалась

простым переводением в иную социальную группу, пусть маргинализованную и более низкую по рангу. Еще одним моментом характерным для подобного рода модификаций было то, что в своей основе они имели юридическое обоснование, что также отделяет их от традиционных изменений тела. В целом, признавая очевидную близость явлений, приходится констатировать, что есть аспекты, не позволяющие включить пенальные деформации в систему соматических модификаций.

Отказ от широко распространенного термина «операция», о котором уже шла речь выше, связан с несколькими причинами. Во-первых, само слово «**операция**» в русском языке истолковывается, как «*лечебная помощь, выражающаяся в непосредственном механическом воздействии на организм*» [Ожегов, 1972]. Соответственно, использование данного термина в отношении интересующего нас этнографического или социального явления некорректно, поскольку механическое воздействие на организм проводится в ритуальных, социально значимых или эстетических целях, но не в медицинских. Во-вторых, современная косметическая хирургия также не может быть отнесена к соматическим модификациям, несмотря на то, что в основе ее лежит эстетическая составляющая. Причина заключается в том, что косметическая хирургия базируется, прежде всего, на индивидуальных эстетических предпочтениях, и в силу этого слабо связана с общими тенденциями понимания красоты социума.

Также полностью исключаются из числа соматических модификаций увечья, нанесенные при синдроме нарушения целостности восприятия тела (НЦВТ) или Body Integrity Identity Disorder (BIID) [Baubet et al., 2007], характеризующегося навязчивым желанием ампутировать «лишнюю» часть тела, чаще всего конечность. В данном случае модификации тела вызваны психическим расстройством и не несут в себе дополнительного культурного или социального значения, ввиду чего и не подлежат объединению с остальными соматическими модификациями. При этом необходимо заметить, что нельзя исключать, что именно подобные психические отклонения могли привести к возникновению отдельных соматических модификаций на ранних стадиях развития человеческого социума.

Еще одной пограничной формой соматических модификаций стало такое направление современного искусства, как телесный перформанс. Начиная с 1970-х годов, искусственные изменения тела стали весьма популярным средством художественного выражения. Отныне они, по сути, являются произведением искусства, которое

содержит свою индивидуальную информацию, не связанную с традиционной [Pitts, 2003], хотя при этом они зачастую несут в себе и семантику оригинальных соматических модификаций. В качестве примера можно привести творчество знаменитой австрийской художницы Вали Экспорт, активно экспериментировавшей в своих перформансах с соматическими модификациями. Так одним из основных моментов ее работ была тема маркирования своей половой идентичности, которая получила свое воплощение в татуировке в виде подвязки для чулок [Пыркина, 2007]. Да и сами авторы настойчиво подчеркивали и подчеркивают социальную функцию не только своих произведений, но и тела как такового: «Тело это территория для себя, для общества. Для частной сферы, равно как и для публичной сферы» [Экспорт, 2007].

Подводя итог, следует отметить, что проблемы, поднятые в данной статье, должны помочь в изучении искусственных изменений тела. Введение в номенклатуру нового термина для их обозначения, а также установление относительно четких границ явления облегчит работу и поможет избежать излишней терминологической путаницы, которая может привести к нежелательным последствиям. Учитывая тот факт, что подобных исследований в отечественной историографии до этого практически не было, необходимость подведения определенных итогов в изучении одного из самых ярких и сложных феноменов в человеческой культуре очевидна, хотя бы для того, чтобы подготовить базу для дальнейших исследований.

## Библиография

- Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М., 1990. С. 188.
- Геннеп Ван А. Обряды перехода. М., 1999. С. 70.
- Гринько И.А. Соматические модификации: проблемы типологии // Гуманитарная культура и этноидентификация. Вып. 2. М., 2005.
- Гринько И.А. Искусственные изменения тела в системе социо-культурных символов традиционных общества. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 2007.
- Евреинов Н.Н. История телесных наказаний в России. Харьков, 1994.
- Лафичкая Н.В. Феномен агрессии у вида *Homo sapiens*. Пытки и казни. СПб., 2006. С. 96–98.
- Левин-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб., 2002. С. 238.
- Львова Э.С. Этнография Африки. М., 1984. С. 126–127.
- Малиновский Б. Магия, наука и религия. М., 1998. С. 40.
- Марсио Ж. История сексуальных ритуалов. М. 1998. С.46.
- Медникова М.Б. Неизгладимые знаки. Татуировка как исторический источник. М., 2007.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1972.
- Пирцио-Бироли Д. Культурная антропология тропической Африки. М., 2001. С. 125.
- Покровская А. История телесных наказаний в русском уголовном праве. М., 2004.
- Пыркина Д.А. Женская доля // Искусство. М., 2007. № 2.
- Равдоникас В.И. История первобытного общества. Л., 1947. Т. 2. С. 90–91.
- Ратцель Ф. Народоведение. СПб., 1902. С. 101.
- Сапогова Е.Е. Культурный социогенез и мир детства. М., 2004. С. 326.
- Свод этнографических понятий и терминов. Материальная культура. М., 1989. С. 204.
- Скотт Д. История пыток. М., 2002. С. 60.
- Словарь иностранных слов и выражений. М., 1997.
- Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 480.
- Тендрякова М.В. Первобытные возрастные инициации и их психологический аспект. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1992. С. 11.
- Филипченко Ю.А. Изменчивость и методы ее изучения. М., 1978. С. 11, 29.
- Харузин Н.М. Этнография. Лекции, читанные в Императорском московском университете. СПб., 1901. С. 275–276.
- Экспорт В. Каталог специальной выставки на 2-ой Московской Биеннале. Вена, 2007.
- Элькин Р. Аборигенное население Австралии. М., 1952. С. 78.
- Элиаде М., Кулиано И. Словарь религий, обрядов и верований. СПб., 1997. С. 35.
- Baubet T., Gal B., Dendoncker-Viry S., Masquelet A.C., Gatt M.T., Moro M.R. Apotemnophilia as a contemporary frame for psychological suffering // *Encephale*, 2007, Sep. N 33 (4, Pt. 1).
- DeMello Margo. *Encyclopedia of Body Adornment*. London – Westport, 2007.
- De Vries Hugo. *Species and Varieties their Origin by Mutation*. Whitefish, 2004.
- Dyane A. *Mutilations rituelles et mutilations volontaires*. URL <http://www.mieux-etre.org> (дата обращения 04.03.2009).
- Pendergast Sara, Pendergast Tom. *Fashion, Costume, and Culture: Clothing, Headwear, Body Decorations, and Footwear through the Ages*. Vol. 2. Detroit, 2004.
- Pitts V.L. *In the flesh*. The cultural politics of body modification. N.Y., 2003.
- Scott G.R. *History of Torture throughout the Ages*. Whitefish, 2003.
- Taylor E.B. *Primitive Culture*. Vol. 2: *Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Language, Art and Custom*. Whitefish, 2006.
- White T.D. *Human osteology*. Academic Press, 1991.

Контактная информация:  
Гринько И.А. E-mail: wagr-j@inbox.ru.

## **SOMATIC MODIFICATIONS: PROBLEMS OF TERMINOLOGY AND ATTRIBUTION**

I. Grinko

*Institute and Museum of Anthropology, MSU, Moscow*

*In this article an attempt is made to analyze the history of the terms that define artificial changes of human body in foreign and Russian anthropological literature, and also to understand the view points on this subject, its meaning and limitations. Basing on this material the author proposes a new definition for the term "somatic modifications". Under somatic modifications the author means intentional damages of integrity, or changing of the form of human organs carried out within the bounds of ritual practices or esthetic norms according to social and cultural systems. Also in this paper some phenomena morphologically similar to somatic modifications are considered, and the problem of their interrelations is being analyzed. The main idea is to define approximate border lines of the phenomenon and to make its scientific attribution easier. For comparative analysis such widespread manipulations with human body as cosmetic surgery, mutilations in juridical practices, body-modification in modern art and consequences of psychological disorders like Body Integrity Identity Disorder were taken.*

*Key words: artificial changes of human body, somatic modification, ethnographic definitions and terms*